

Эдуард Веркин

Искусство требует жертв. Видеоклип на «отлично»

*Часть сборника
Большая книга приключений для
мальчиков*

Эдуард Веркин

**Искусство требует жертв.
Видеоклип на «отлично»**

«ЭКСМО»

2008

Веркин Э. Н.

Искусство требует жертв. Видеоклип на «отлично» /
Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2008

Надоело скучать? Не знаешь, чем заняться в школе и на каникулах? Для реальных приключений всегда можно найти место в жизни! Генка, Витька и Жмуркин – настоящие эксперты в этом деле. Ловля гигантской щуки и экстремальное ориентирование в лесу, подготовка к школьному празднику и съемка крутого видеоклипа...

Содержание

Глава 1 Денежный дождь	5
Глава 2 Вопросы вдохновения	10
Глава 3 Улети на небко	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Искусство требует жертв ВИДЕОКЛИП НА ОТЛИЧНО

Глава 1 Денежный дождь

Витька, Генка и Жмуркин быстро бежали по улице Парковой. Генка и Жмуркин бежали налегке, а Витька прижимал к груди тяжелую волчью голову.

Улица Парковая походила на полосатую милицейскую палку, фонари через один не горели: то ли лампочки в них расплавились, то ли их просто расколотили, и друзья то ныряли почти в полную темноту, то выскакивали на неширокое освещенное пространство. Почему-то освещенные участки пахли дурацким подсолнечным маслом, а темнота, напротив, благоухала сиренью, отцветшей еще в мае. Так, во всяком случае, казалось Витьке. И он бы с удовольствием подышал этой сиренью, ему даже хотелось остановиться и постоять в прохладном горьковатом облаке...

И Витька бы так и сделал, если бы...

Если бы за ними не неслась целая толпа парковских пацанов, вооруженных бейсбольными битами. Парковцы бежали молча и сосредоточенно. Сразу было видно, что шутить они не собираются, а собираются задать Витьке, Генке и Жмуркину основательную трепку. Поколотят для порядка битами и швырнут освежиться в городской пруд.

– Может, все-таки на помощь позовем? – спросил, задыхаясь, Жмуркин.

Гордый Генка отрицательно помотал головой. Витька подумал, что звать на помощь бесполезно – суббота, народ смотрит телевизоры и отдыхает, по улицам никто не гуляет, а редкие парочки и собачники вряд ли захотят связываться. Поэтому оставалось одно – драпать. Витька немного опасался, что тяжеловатый Генка скоро устанет и скажет, что настоящему кабальеро¹ не пристало удирать от каких-то там парковцев! Напротив, пора принять честный бой. А принимать честный бой не хотелось. Особенно когда парковцев в пять раз больше...

Впрочем, Витька и сам изрядно устал – волчья голова оказалась тяжелой и неудобной в транспортировке. Рука Витьки то и дело проваливалась в пасть, а волчьи зубы больно впивались в ладонь. Витька хотел было передать голову Жмуркину, но Жмуркин отказался, сославшись на то, что тот, кто прикоснется к голове волка, может запросто стать оборотнем. Генке и без того было тяжело бежать из-за его грузности и коротконогости. И голову приходилось тащить Витьке.

За спиной что-то загремело. Витька быстро оглянулся и увидел, что один из парковцев зацепил урну и теперь катается по дорожке, держась за колено. И еще Витька заметил, что расстояние между ними и преследователями изрядно сократилось. Парковцы оказались гораздо более подготовленными к бегу. Недаром ходили слухи, что все они качаются и занимаются вольной борьбой.

Жмуркин тоже оглянулся.

– Парки догоняют, – просипел он. – Давайте кричать...

– Улица Ленина рядом, – выдохнул Генка. – Там не их территория...

– Не могу больше, – застонал Витька. – Надо было Снежка с собой взять...

Он снова оглянулся и обнаружил, что самый здоровенный и свирепый парковец, по всем повадкам предводитель и вождь, уже почти их достал и вот-вот прыгнет и вцепится в Генку.

Тогда Витька резко тормознул, схватил покрепче волчью голову и треснул ею вождя парковцев...

¹ Кабальеро (исп.) – благородный человек, дворянин.

А началось все так.

Друзья сидели на крыше жмуркинского дома, смотрели на вечерний город, пили лимонад и грызли тыквенные семечки.

Витька думал, как хорошо сейчас, наверное, в Новой Зеландии, – и тихо, и комары там не водятся, а новозеландское мороженое, как известно, самое новозеландское во всем мире...

Генка думал о том, что придется, видимо, перебирать насос, который он смонтировал на прошлой неделе для дачного колодца, а если насос все равно работать не будет, то надо будет придумывать что-нибудь другое. А он, Генка, устал в последнее время придумывать, и вообще ему хочется на море, ведь на море он никогда не был...

О чем думал Жмуркин, неизвестно, поскольку был он товарищем хитрым, а потому и мысли у него были хитрые и темные. Скорее всего, Жмуркин размышлял о кинематографии и своем месте в ней. Впрочем, весьма может быть, Жмуркин думал о деньгах – он всегда о них думал.

К тому же, о чем думал Жмуркин, было неизвестно еще по одной причине – Жмуркина не было на крыше. Он отсутствовал, а потому все было тихо и спокойно, как может быть тихо и спокойно только в летний вечер в небольшом городке в центре России. Жара отступила, с далекой Волги несло прохладой. К этой прохладе примешивалась вонь ежегодно горящих торфяников и запах разогретой солнцем железной дороги.

– Что-то Жмуркина нет... – сказал Генка и посмотрел вниз, за перила.

– У него заседание, – негромко произнес Витька.

– Чего заседание? – спросил Генка.

– Клуба любителей кино.

– И чем они там занимаются?

– А, так... Соберутся такие же маньяки, как и сам Жмуркин, посмотрят кино про французских психопатов, а потом сидят обсуждают...

И тут же на чердаке послышались шаги, грохот падающих ведер, треск, ругань. Потом на крышу выбрался Жмуркин.

– Вспомни его, вот и оно, – усмехнулся Витька.

На Жмуркине болтались синие подштанники и белые простыни, он был похож на Карлсона в боевой раскраске, только с портфелем.

– Вы тут? – Жмуркин скомкал белье и бросил его в люк.

– Семечек хочешь? – Генка протянул Жмуркину пачку. – Тыквенные, от глистов помогают...

– От глистов спасайтесь сами, – сказал Жмуркин. – А я хочу вам вот что сказать, удода. Вернее, показать.

Жмуркин достал из портфеля пачку денег, небрежно ей обмахнулся и положил на скамейку.

– Что это? – спросил Витька шепотом.

– Деньги.

– Вижу, что деньги. Доллары?

Генка огляделся.

– Условные единицы. – Жмуркин зевнул. – Пять тысяч.

Генка встал со скамейки, закрыл лаз на крышу.

– Ты что, почку продал? – спросил Витька.

Жмуркин захихикал.

– Жмуркин, – Генка накрыл деньги ветровкой, – ты, видимо, совсем с мозгами рассорился?

– Спокойно, спокойно, – Жмуркин погладил себя по бокам. – Это абсолютно нормальные, чистые деньги...

– Откуда? – Генка стал серьезен.
– Каждый парень, который хочет стать серьезным человеком, должен уметь обращаться с деньгами...

– Жмуркин! – Генка подошел к Жмуркину вплотную. – Жмуркин, отвечай!

– Ну ладно, ладно, – сдался Жмуркин. – Хорошо, скажу. Эти деньги мне дал Тепляков.

– Тепляков... – Эта фамилия Витьке ничего не говорила. – Ну и что? Кто такой Тепляков?

– Ты что? – усмехнулся Жмуркин. – На Луне обитаешь?

– Тепляков, – сказал Генка. – Тепляков... Я тебе объясню, Витька. В прошлом году Тепляков на свой юбилей наполнил бассейн коньяком десятилетней выдержки. Ясно, кто он такой?

– Яснее не бывает, – вздохнул Витька.

– Ну, если Витьке все ясно, то давай, Жмуркин, рассказывай, как ты вступил в сделку с совестью.

Жмуркин стал рассказывать:

– Сегодня у нас было заседание Клуба любителей кино. Мы раз в месяц собираемся, смотрим фильм, обсуждаем. Тепляков у нас спонсор и почетный президент, а я типа секретарь. Так вот, Тепляков обычно молчит и бабки отстегивает, если надо. И угрюмый всегда такой. А сегодня пришел в хорошем настроении, после обсуждения встал и речь толкнул. Хочу, говорит, поспособствовать процветанию отечественного кинопроизводителя, хочу, говорит, поддержать молодых. Через месяц в Москве Фестиваль видеоклипов, и я желаю, чтобы наш регион был достойно представлен. Со старыми пердунами на местном телевидении я связываться не буду, они мне надоели. Поэтому предлагаю вам. И даю пять штук. И вывалил пять штук... прямо на стол. Тут Парамохин как подпрыгнет. Говорит: «Я запросто сниму, только так!» И клешни свои уже к пачке тянет. Ну, тут я не вытерпел. Говорю, Парамоха, тебе не клипы снимать, а гадости разные под мостом рисовать, ты же не отличишь Чарли Шина² от Мартина Шина. Ты же коновал! Знаете, какую короткометражку он снял в прошлом году? «Безжалостные и кровожадные помидоры»! Графоман от кино! Я ему так и сказал! А Парамон на меня как прыгнет... Тепляков смотрел на все это, смотрел, а потом вторую пачку на стол вывалил. Вот, говорит, ребята, берите баблосы, снимайте клипы. А через месяц я погляжу. Если стоящая у кого вещь получится – еще столько же отвалю. И в Москву клипак отвезу, на фестиваль! А Парамон спрашивает: «А если не понравятся вам наши клипаки, то что с бабульками?» Тепляков ухмыльнулся и говорит: «Работайте – и посмотрим, что с бабульками...»

– И ты взял? – прошептал Генка.

– Конечно. Я же не дурак. Чувел просто так деньги отвалил...

Генка аж хлопнул в ладоши.

– Не, Жмуркин, – Генка вскочил, – не, Жмуркин, ты дурак! Кретино-Буратино! Такие, как Тепляков, ничего просто так не отваливают!

– Генка прав, – сказал Витька. – Такие бабки просто так в руки не идут. Бесплатный сыр – только в мышеловке. Мне кажется, что деньги...

– Надо отдать, – закончил Генка.

– Верно.

– Вы что, рехнулись?! – заорал Жмуркин. – Отдать такие бабки?! Вы совсем дураки! Вы даже большие идиоты, чем мне представлялось! Отдать пять штук!

– Лучше сейчас отдать, – сказал Генка. – Пока еще не слишком поздно. Я даже сам схожу отдать, родственнику Герасиму позвоню, мы вместе ходим. Тепляков тоже как Герасим, в спецназе каком-то служил, должен понять...

² Чарли Шин, Мартин Шин – американские киноактеры, сын и отец.

– Все! – Жмуркин потянулся к пачке. – Не желаю больше с вами разговаривать. Я на эти бабки не клип – целое кино сниму!

Генка неожиданно пододвинул к себе накрытые курткой деньги.

– Ты чего? – спросил Жмуркин.

– Ничего, – Генка достал из-под куртки доллары.

– Себе заграбастать решил? – Голос у Жмуркина задрожал.

– Дурак, – Генка постучал себя по лбу. – О тебе же забочусь... Если клипа не снимешь – Тепляков тебя размажет...

Жмуркин попытался выхватить пачку из рук Генки.

– Вы чего?! – Витька попытался встать между ними, но Жмуркин с неожиданной силой отбросил его в сторону.

– Отдай! – рявкнул Жмуркин. – Лучше отдай!

– Дурак...

– Сам дурак! – Жмуркин изловчился и схватил пачку денег.

Они принялись перетягивать пачку. Генка был гораздо сильнее, но Жмуркин пребывал в бешенстве и свою природную хилость компенсировал яростью. Они сопели, скрипели зубами и называли друг друга такими словами, которых не знал даже Витька.

Но вдруг Жмуркин расцепил пальцы. Генка не удержался на ногах, и его отбросило прямо к перилам. Генка взмахнул руками, схватился за поручень, пачка красиво подлетела в воздух, резинка лопнула, и над улицей распустился фейерверк из зеленого цвета купюр.

– Мама... – только и смог сказать Жмуркин.

– Опа... – Генка оглянулся через плечо.

Купюры падали. Над улицей разворачивался щедрый денежный дождь.

– Мама... – снова сказал Жмуркин.

– Деньги падают! – закричал кто-то на улице.

– Вниз! – заорал Витька и кинулся к лазу на чердак.

Вниз они скатились в темпе скоростного лифта. Тротуар и проезжая часть были усыпаны американскими деньгами, и прохожие жадно их собирали.

– Это мое! – завопил Жмуркин и кинулся отнимать дензнаки у счастливых.

Но прохожие на Жмуркина не обращали внимания, знай себе собирали деньги и рассовывали по карманам.

– Это Теплякова деньги! – Генка попытался спасти ситуацию.

Но даже авторитет Теплякова не помог – народ жадно хватал халяву и с надеждой смотрел в небо.

– Собираем! – Генка принялся поднимать банкноты с асфальта.

Витька и Жмуркин тоже.

Ребята успели собрать восемьсот сорок долларов. Облазив окрестные крыши и гаражи, нашли еще пятьсот двадцать. Итого тысячу триста шестьдесят. Купюры были помятые и грязные, Генка объединил их в пачку и положил в карман.

– Тысяча триста шестьдесят, – сказал он. – Это, конечно, не пять...

Жмуркин завыл и треснулся лбом о стену, не сильно, чтобы череп не разбить.

– Сильнее надо, – сказал Генка.

Жмуркин стукнулся сильнее, но все же в рамках разумного.

– Пойдем, – Генка кивнул вверх. – А то последнее отберут...

Ребята вернулись на крышу.

Жмуркин был раздавлен. Он сидел, уткнувшись лбом в перила, и молчал.

– Я такую историю слышал, – Генка подсел поближе к Жмуркину. – Один тип в прошлом году занял у Теплякова три тысячи баксов, а вовремя не отдал. Тепляков его на чай пригласил.

Тот пришел. Сел за стол и вдруг чувствует – ноги в чем-то увязли. Он смотрит, а копыта в тазу с цементом. Тепляков захихикал и велел отвезти этого чувела на старицу.

Жмуркин всхлипнул.

– А вот еще история была, – продолжал Генка. – Однажды, когда Тепляков был еще маленький и учился в школе, они с классом отправились на овощную базу перебирать помидоры. И так вышло, что Теплякова направили в хранилище с другим классом. А Тепляков был тогда маленький и шуплый, ну вот, примерно, как Жмуркин сейчас. Он работал, перебирал себе, и вдруг один бобик взял да и швырнул в Теплякова помидором. Все остальные засмеялись и давай тоже кидать. А кому-то помидор не совсем спелый попался, и он закатал им Теплякову прямо в голову. Тепляков сознание потерял, а потом почти месяц с сотрясением мозга в больнице провалялся.

– И что? – поинтересовался Витька.

– Он вырос и пригласил всех на встречу школьных друзей...

– А потом отвез всех на старицу, – закончил Витька.

– А другой крендель, он с Тепляковым тоже в школе учился, как-то раз взял и рассказал, что Тепляков однажды на уроке хотел в туалет, терпел, терпел, а потом описался. Тепляков его пригласил чай попить...

– Ладно тебе, Ген, – остановил Витька. – И так фигово все.

– Что же мне делать? – Жмуркин хныкал. – Я не хочу на старицу...

– Не, – глумился Генка. – Тебя Тепляков на старицу не повезет, он все-таки гуманист. Тепляков спонсирует одно кадетское училище. Так вот, Жмуркин, он туда тебя определит. А там с тобой разберутся по полной программе...

– Помогите! – взмолился Жмуркин. – Я все для вас сделаю, я не хочу в кадетское училище...

– Как тебе помочь?! – Генка треснул Жмуркина по голове. – Как тебе помочь, баран?! Ты же сам на все это подписался...

– Но...

– Помочь ему можно, – сказал Витька. – Даже очень легко помочь.

– Как?! – Жмуркин посмотрел на Витьку с надеждой.

– Надо взять и снять клип.

«Надо снять клип», – сказал Витька, и всего через две недели после разговора на крыше ребята удирали по улице Парковой.

И Витька треснул предводителя парковцев волчьей головой.

– Так его! – воинственно воскликнул Жмуркин. – Пожар!

Парковцы окружили своего лидера, Витька, Генка и Жмуркин воспользовались их заминкой, оторвались и через минуту выбежали на улицу Ленина к трамвайной остановке.

– Все, – Витька привалился к стене и ловил воздух.

– Голова цела? – спросил Жмуркин. – Голова цела, я спрашиваю?

Витька пощупал голову.

– Цела.

– Не твоя, балбес. Волчья.

– А что с ней будет!

– Ну и славно, – Жмуркин улыбнулся.

– Трамвай, – Генка указал пальцем, – трамвай идет...

Глава 2 Вопросы вдохновения

– В конце концов он давно хотел снять кино, – рассуждал Витька, пока они с Генкой шагали к Жмуркину. – Вот теперь ему и представился шанс. Пусть, наконец, покажет, на что он годен.

– Пусть. А то вопит: я режиссер, я талант, дайте мне камеру, я переверну мир! Вот пусть и продемонстрирует. Пускай. Он что там, сценарий пишет?

– Ага. Пишет. Сочиняет. Поглядим, что он там насочинял, – хмыкнул Витька.

– Поглядим. Пришли уже.

Витька и Генка вошли в подъезд и стали подниматься по лестнице.

– В газетах знаешь чего понаврали? – Генка стучал по перилам. – Что сумасшедший миллионер раскидал над городом с воздушного шара восемнадцать тысяч долларов. В честь восемнадцатилетия своей дочери.

Витька остановился перед дверью и нажал на звонок. Дверь открыла жмуркинская мать.

– Здравствуйте, – сказал Витька. – Мы пришли.

– Вижу. – Мать запустила ребят внутрь. – Только он к себе не велел пускать. Он работает...

Генка мерзко захихикал, а потом сказал:

– Работа не баобаб, в лес не убежит.

– Труд сделал из обезьяны человека, – добавил Витька.

Мать Жмуркина погрозила Витьке пальцем и ушла в кухню. Кавказская овчарка Жмуркина Снежок посмотрела на Витьку, затем на Генку, поняла, что ей тут ничего не обломится, и тоже отправилась в кухню, откуда явственно несло жареной колбасой и тушеной капустой.

– Хотя Жмуркину уже ничего не поможет, – сказал Витька. – Разве что ты изобретешь машину времени, мы отправимся в прошлое и помешаем жмуркинским дедушке и бабушке встретиться. Тогда Жмуркин не появится на свет, и свет будет от него избавлен.

Генка с сомнением покачал головой, стянул кеды, сунул ноги в тапки-лапти и двинулся к комнате Жмуркина.

Жмуркин открыл не сразу. Он долго чем-то шуршал, звенел, двигал мебель. Затем за дверью громыхнуло, взвизгнул Жмуркин... Через секунду клацнула щеколда, и в щель высунулась жмуркинская физиономия.

– Ты, умник, – Генка отодвинул его плечом и вошел в комнату, – зачем тебе засов, а? Что честному человеку прятать от своей матери?

Жмуркин прыгал на одной ноге. По полу каталась тяжелая бронзовая ваза.

– Я тебе объясню, Ген, – Витька тоже просунулся в жмуркинскую берлогу. – Жмуркин просто берет в своем кинотеатре диски со свежайшими фильмами, записывает их на кассеты и сдает одному толкачу на базаре. Он еще все время справа от входа стоит, и глаза у него такие бегающие. Жмуркин барыжничает, а мама его – человек старой закалки – барыг не переносит. Вот он на дверь засов и поставил!

Жмуркин возмутился:

– Неправда! – Он поймал вазу и зашвырнул ее под кровать. – Грязная ложь! Я никогда этим не занимался! Никогда не пиратил и не барыжничал. У меня принцип!

– Все так говорят, – сказал Генка и уселся в кресло. – Все говорят, что у них принципы, а потом выясняется, что принципы – принципами, а кассеты палить – тоже неплохо. И очень выгодно. А что это у тебя тут такой беспорядок?

– А, – Жмуркин махнул рукой. – Работаю...

Повсюду – на столе, на стульях, на диване, на полках с видеокассетами, даже в корзине Снежка – валялись листы бумаги. Большинство листов было скомкано, часть разорвана на

кочки разного размера. Имелись, впрочем, и целые. На столе Жмуркина, обычно занятом резиновыми фигурками киногероев, свернутыми в рулон постерами и фальшивыми статуэтками Оскара, стояла, высовываясь из вороха бумаг, пишущая машинка. Машинка, судя по форме и размерам, была древняя. Витька вдруг совершенно неожиданно подумал, что этой машинкой, наверное, убили какого-нибудь не очень известного писателя, а потом хорошенько отмыли в керосине и отнесли в комиссионку. А охочий до всяческих раритетов Жмуркин ее по дешевке прикупил.

Кроме бумаги, комната была завалена квадратиками шоколада, поломанным печеньем, огрызками яблок, сушками, орешками и курагой. Видимо, Жмуркину не хотелось отрываться на еду, и он подкреплял свои силы не отходя от кассы. От всего этого комната Жмуркина приобрела вид обиталища безумного гения. Да и сам Жмуркин выглядел соответственно: волосы растрепаны, пальцы в чернилах, лицо тоже в чернилах, глаза по-вампириски красные. Одет интересно: тельняшка, на шее толстый кожаный ошейник, позаимствованный, видимо, у Снежки, широченные штаны, сшитые то ли из толстой джинсы, то ли вообще из брезента.

– Мама сшила мне штаны из березовой коры... – прокомментировал жмуркинское одеяние Витька.

– Работаешь, говоришь? – Генка взял вазочку с орехами и опрокинул себе в рот. – Это хорошо...

– Работаю-работаю, – угрюмо сказал Жмуркин. – А вам чего надо?

– Что значит «чего надо»? – Генка швырнул в Жмуркина подушкой. – Ты сказал, что напишешь сценарий, и исчез почти на целую неделю! Сценарий готов?

– Я пишу. – Жмуркин умудрился указать глазами как-то сразу на всю комнату. – Работаю.

– На пишущей машинке? – спросил Генка. – Ты что, компьютер не мог раздобыть на пару недель?

Жмуркин посмотрел на Генку с презрением.

– Компьютер – это для простонародья... – сказал Жмуркин.

Витька не выдержал:

– Человек с фамилией Жмуркин вряд ли может рассуждать о вопросах происхождения.

Жмуркин надулся и промолчал. Он уже неоднократно заикался о том, что ему не очень повезло с фамилией, все-таки «великий режиссер Жмуркин» как-то не звучит, как-то не так, по-детсадовски. Поэтому свою родовую фамилию Жмуркин собирался сменить на более благородную и более кинематографическую. Желательно даже двойную. Пецкин-Чарторыйжский, Топоров-Лудилин, Дурново-Игнатьев... Жмуркинская мама была против, но сам Жмуркин считал, что ему видней.

Витька добивал Жмуркина:

– Человеку с такой фамилией лучше всего работать... на кладбище. Или в морге. Слушай, Жмуркин, это ведь роскошно – работать в морге. Тихо, спокойно, хорошо.

– Это мы еще посмотрим, кто где работать будет, – огрызнулся Жмуркин. – Посмотрим, кто в морге будет работать, посмотрим, кто без счастья останется...

– Ну ладно, – остановил спор прагматичный Генка. – Показывай лучше, чего ты тут наработал?

– Ну... – протянул Жмуркин. – Я в процессе, я в поиске, так сказать...

– И чего наискал? – Генка наклонился и поднял с пола листок.

Генка повертел листок и так и сяк, ничего не обнаружил и бросил на пол. Поднял другой листок. Прочитал вслух:

– Концепция клипа. Автор Жмуркин...

– Он себя уже только по фамилии называет, – сказал Витька. – Феллини³, Стоун, Лукас, Жмуркин...

– С вашими коматозными мозгами этого не понять, – вздохнул Жмуркин и принялся обматывать палец ноги подозрительно грязным бинтом. – Плох тот солдат, что не хочет стать генералом...

– Слышь, Ген, он генералом стать хочет. Генерал Жмуркин, откушав икры и раковых шеек в белом вине, поехали в оперу...

– Концепция клипа, – продолжил чтение Генка. – Автор Жмуркин. Для того чтобы снять клип... Дальше ничего нет.

Генка поднял другой листок, прочитал то же самое.

– Ты что, – Генка посмотрел на Жмуркина уже серьезно, – за неделю написал одно предложение? Даже не предложение, а какую-то фигню?! «Для того чтобы снять клип...» Ты, сценарист! Полоскал нам мозги столько лет, а теперь не можешь сочинить вшивенький сценарий!

– Не могу, – Жмуркин дохромал до дивана и свалился в бумаги. – Ничего в голову не приходит. Пустота...

– А крику-то было...

– Вдохновение – это тебе не компот! – крикнул Жмуркин. – Пегас – не старая кляча, я не могу его между ушами плеткой нахлестать!

– Уши Пегаса... – Витька сочувственно посмотрел на изможденного сочинителя. – Хорошее название. А еще лучше – «Соленые уши Пегаса Жмуркина».

Генка никакого сочувствия не испытывал, он собирал разбросанную бумагу в стопку и периодически постукивал этой стопкой себя по голове. После чего поглядывал на Жмуркина, жутко улыбался и добавлял к стопке бумагу.

– Ты, Жмуркин, сам хотел клип снимать, – приговаривал Генка при всех этих манипуляциях. – Сам на все подписался, сам деньги у Теплякова взял, сам их потерял. Это тебе клип нужен, это по тебе военное училище плачет! Нам мозги полоскал, орал: дайте мне камеру – я горы сверну, я такого понаснаймаю! Ты что, забыл уже?

– Помню-помню, – примирительно проныл Жмуркин. – Только ничего не получается. Чего я только не перепробовал! И рыбу ел для убыстрения мозгов, и шоколад, и орехи. Впустую. Потом в Интернете прочитал, что морская капуста полезна, купил сразу пять банок и съел. Два дня к животу грелку прикладывал.

– Поспособствовало? – осведомился Витька.

– Нет. В смысле, грелка поспособствовала, а капуста нет. Мозги не убыстряются.

– Я тебе удивляюсь, Жмуркин, – сказал Витька. – Как можно пытаться убыстрить то, чего нет в природе?

Жмуркин не ответил. Витька взял какой-то сушеный банан и принялся его безнадежно жевать. Генка складывал из бумажного листа самолетик. Жмуркин рассказывал дальше:

– Пробовал утром писать, пробовал вечером – ничего. Ноги в холодную воду совал... Бесполезно. Вчера даже вниз головой подвешивался, думал, кровь к мозгу прильет – мысли придут. Не пришли.

– Мне кажется, по-другому надо. – Генка запустил самолетик, тот описал по комнате круг и опустился на люстру. – Мне кажется, надо сначала песню придумать, потом к ней музыку записать, а потом уже, в третью очередь, сценарий для клипа сочинять.

Витька согласно угукнул – сушеный банан застрял в зубах и намертво заклинил его артикуляционный аппарат.

– Сначала сочиняется клип, – авторитетно заявил Жмуркин. – Затем к нему пишется песня. Сначала классный видеоряд, затем классная музыка. Так все крутые знаменитости

³ Федерико Феллини, Оливер Стоун, Джордж Лукас – известные кинорежиссеры.

делают. Только таким способом создаются суперклипы. А у тех, кто поступает наоборот, получается всякая дрянь.

– Если тебя слушать, то получается – телега идет впереди лошади, – сказал Генка. – Как-то ненормально. Лучше сначала песню. То есть стихи.

– Стихи у нас Витька пишет, – язвительно сказал Жмуркин. – Вот пусть он и старается. А я потом уж со сценарием как-нибудь разберусь.

Генка посмотрел на Витьку. Тот все еще не мог расцепить скованные бананом челюсти. Генка зыркнул на Жмуркина. Жмуркин слетал в кухню и притащил графин с морсом. Витька отхлебнул.

– Жмуркин, баран, с чего ты взял, что я пишу стихи? – зло спросил он. – Я стихов ни разу в жизни не писал!

– Ладно гнать-то! – не поверил Жмуркин. – У тебя же на физии написано, что ты стихи сочиняешь!

– Сочиняешь? – Генка посмотрел на Витьку пристально.

– Нет! – крикнул Витька. – Не сочиняю! Не сочиняю!

Это было правдой. Витька никогда не сочинял стихов. Иногда, правда, он писал юмористические эпиграммы на политиков и одноклассников, но никому свои произведения не показывал. А за серьезные стихи Витька и вообще не брался. Боялся просто.

– Даже если ты и не сочинял стихов, – Жмуркин достал откуда-то теннисный мяч и принялся долбить им об стену, – даже если ты и не сочинял стихов, то ты их до фи́га читал! Значит, и сам сочинить сможешь. Все писатели – бывшие читатели, данный факт широко известен...

Витька рассмеялся.

– Тепляков велел закончить через четыре недели. – Генка посмотрел на календарь. – К августу. В военных училищах как раз в августе набор... Одну неделю ты уже угробил.

– Витька, – Жмуркин умоляюще посмотрел на Витьку, – ты же можешь! Давай помоги! Сочини чего-нибудь!

Витька с сомнением прищелкнул языком.

– Витька, – Жмуркин бухнулся на колени, – Витька, все отдам, все!

– У тебя же ничего нет, – сказал Генка. – Тебе же отдавать нечего. А скоро тебя вообще в солдаты забреют...

– Витька! – Жмуркин сделал умоляющий жест.

– Мне нравится, когда он такой, – сказал Генка. – А тебе?

– Мне тоже, – согласился Витька. – Только пусть он еще стенает. Жмуркин, стенай и называй себя дураком.

Жмуркин стал стенать. И дураком себя называть тоже.

– Это больше похоже на завывания, – сказал Витька. – Ну да ладно, Жмуркин, я тебе помогу. Попробую помочь. Но даже если я напишу какие-нибудь стихи, у нас вряд ли что-нибудь получится...

– Почему? – Жмуркин быстро поднялся с колен. – Почему это не получится?

Генка с сожалением посмотрел на Жмуркина:

– Потому что надо музыку сочинить, надо спеть, надо все свести воедино. Это за двадцать минут не делается...

– Это делается за день, максимум за два, – Жмуркин уже рылся в своей записной книжке. – У меня есть один чувак, он в музыкальной студии работает. У них там разных треков – двадцать тысяч, на любой вкус, бери слова и вставляй. Я спою, он отфильтрует, наложит на музыку, аранжировки всякие сделает, потом с видео состыкует – у них компьютеры специальные есть. И возьмет недорого.

– Договорились... Но нам, по крайней мере, будет нужна видеокамера. Хорошая видеокамера.

- На видеокамеру я найду денег, – пообещал Жмуркин. – Попрошу мать, пусть снимет с книжки. У нас кое-какие сбережения имеются.
- Хорошая у тебя матушка, – с завистью сказал Генка. – Все что хочешь для тебя делает.
- Дрессировка, – цинично заметил Жмуркин. – Кстати, вы не забудьте подумать над сценарием...
- Я текст сочиняю, – сказал Витька. – Мне и так работы до фига...
- Тогда хоть ты, Генка, подумай.
- Я слишком тупой, чтобы думать... Ладно, подумаю.
- Тогда завтра в час в вашем сарае... – распорядился Жмуркин. – Пардон, в гараже. Так и запишем.

Глава 3 Улети на небо

Витька вышел на балкон. Вдохнул глубоко. Ему очень хотелось сказать, что утренний город был красив... Но не мог он этого сказать. Потому что из Витькиного окна не было видно утреннего города. Из его окна была видна лишь утренняя стена противоположного дома. Она закрывала весь вид справа налево, и Витьке оставалось лишь любоваться солнцем, отражающимся в окнах.

Витька смотрел на солнце и думал, что хорошо бы этот дом к чертям свинячьим взорвать. Выселить из него народ и рвануть. Чтобы воздух был.

Воздуху не хватало даже на балконе. То ли от этого, то ли от того, что полночи Витька пытался придумать текст для песни, голова у него трещала в затылочной области. Витька поднял с пола охладившуюся за ночь гантелю и приложил к затылку. Не помогло. Витька уронил гантелю и в тысячный раз проклял тот час, когда он взялся сочинять текст.

Сначала Витьке казалось, что это будет легко. Возвращаясь домой от Жмуркина, он по пути придумывал сюжеты для песни. Сначала так: один мужик купил себе на базаре сапоги, а когда принес их домой, то обнаружил внутри кровь. Надо было выкинуть, но мужику стало жалко денег, он сапоги оставил себе и стал их носить. Но после этого каждую ночь стал нападать на таксистов – пока его не застрелили серебряной пулей рабочие с трубопрокатного завода.

Потом вдруг Витька вспомнил, что такая песня, к несчастью, уже написана, напряжинил мозги и стал придумывать другую. Один мужик пригласил к себе в гости своих друзей на барбекю...

И такая песня уже существовала. Витька разозлился и усилил творческий натиск. Он сочинял историю, вспоминал, что такая песня уже существует, отбрасывал уже отработанный кем-то вариант и сразу же брался за другой.

Витька добрался до дома, но к себе не стал подниматься, потому что решил покататься на трамвае – в трамвае, по наблюдениям Витьки, думалось как-то легче. Он выбрал линию, описывающую вокруг города кольцо, купил билет и отправился в поэтическую командировку.

На втором витке он придумал историю про то, как одна женщина решила убить свою старую больную собаку, но у нее ничего не получилось – то одно ей мешает, то другое. И в конце концов женщина решает собаку оставить.

Эта история показалась Витьке вполне оригинальной: во всяком случае, раньше он ее нигде не слышал и не читал. Витька дождался своей остановки, выскочил и побежал домой, чтобы успеть, как сказал бы Жмуркин, «переплавить черную руду идеи в золото поэтических строк».

Но сразу приступить к переплавке не удалось – сначала мать отослала Витьку за хлебом, затем усадила за ужин. После ужина он потихоньку направился к себе, но его перехватил папашка. Папашка неожиданно затеял беседу о последних публикациях в «Иностранной литературе» и вообще о новых направлениях в современном искусстве слова. Витька слушал вполуха, папашка же сыпал фамилиями писателей и названиями книг, спрашивал Витькино о них мнение, спрашивал, что сын думает о несколько затянувшемся кризисе в великой русской литературе, и вообще, нудил и изводил. Витька отвечал кое-как. Тогда папашка зашелся и поинтересовался, кто для него, Витьки, его сына и наследника имущества и идеалов, является авторитетом в современной литературе? Витька ответил, что непререкаемым авторитетом в современной литературе для него является Михаэль Шумахер. Отец оторопел и впал в состояние легкой комы. Витька воспользовался этим и шмыгнул в свою комнату.

Там он сразу улегся на диван, взял лист бумаги, фломастер и принялся сочинять на придуманную историю стихи.

Стихи не сочинялись. Вернее, сочинялись, но какие-то кривые и по сравнению с историей неинтересные. Очень скоро Витька изнемог от творческих мук и решил поспать. Но выспаться толком ему не пришлось – всю ночь парня преследовали тяжелые сны: мужики в ботфортах, собаки с усами, Салтыков-Щедрин в летающей тарелке... Витька ворочался с боку на бок, и, когда ему снова приснился Салтыков-Щедрин, правда, в этот раз с банджо и маракасами, Витька встал и решил посмотреть телевизор. Попал на ночной сеанс. Картину про оборотней и их нелегкую судьбу он выдержал двадцать минут, потом выпил валерьянки и вырубился. Но оборотни, челюсти, зубы и кровь ему снились до утра.

В шесть часов Витька проснулся и вышел на балкон подышать свежим воздухом.

Утро было прекрасно, солнце в окнах соседнего дома было тоже прекрасно, но даже утро не вдохновило Витьку. Он уселся на бак с протухшей квашеной капустой и стал смотреть на раннего дворника.

Неожиданно на верхнем балконе послышалось шипенье, сверху свесились мохнатые лапки, затем морда, а потом на Витькин балкон свалился маленький полосатый котенок.

– Кис-кис! – поманил Витька зверюшку. – Кис-кис-кис...

Вообще-то Витька любил кошек гораздо меньше, чем собак. Кошкам он не доверял и даже слегка их опасался. Конечно, он слышал, что те, кто любит собак, одержимы скрытой манией величия, кошкостроубы же, наоборот, люди уверенные в себе и цельные, но все равно кошек Витька не уважал. А этот котенок показался ему таким симпатичным, что захотелось даже его погладить.

Но котенок явно не собирался подходить к Витьке – наоборот, собирался и дальше гулять сам по себе. Тогда Витька быстро сбегал на кухню и притащил блюдечко и пакет с молоком.

Котенок равнодушно сидел на перилах и облизывал лапки. Витька поставил блюдечко поближе к нему, откусил уголок пакета и налил молока. Котенок не реагировал. Тогда Витька пододвинул блюдце еще ближе к котенку.

– Кис-кис, – позвал он снова. – Иди сюда, Васька чертов...

Но «Васька» упорно не желал подходить. Более того, когда Витька стал двигать к нему блюдечко, котенок брезгливо поморщился и перескочил с Витькиного балкона на соседский. Уселся там на банке с помидорами и продолжил умывание.

– Гадская киса! – с досады Витька плюнул вниз и посмотрел на блюдечко.

Выливать молоко было жалко, к тому же Витьку с детства приучили не выкидывать продукты: отец говорил, что жизнь – хитрая штука, раз хлеб выкинешь, в другой раз обязательно не хватит. Поэтому Витька решил молоко выпить. Он отхлебнул немножко из блюдечка – и сразу же все выплюнул. Молоко оказалось кислым, даже с горчинкой. От этого молока и от неудачи с котенком утренний мир тоже показался Витьке кислым и противным.

– Кис-кис, весь мир прокис... Кис-кис, что же ты скис...

Напевая, Витька отправился на кухню, решив, что если уж он встал так рано, то надо по-быстрому позавтракать и заняться чем-нибудь полезным. Поставил на газ чайник, порезал батон, зарядил его в тостер. Достал из холодильника горчицу, банку с джемом, бутербродный сыр и яблоко.

Тосты отстрелились. Витька намазал их джемом, снабдил сыром, сверху капнул горчицы.

– Кис-кис, милая мисс...

Чайник засвистел. Витька заварил себе мятного и принялся жевать. Дурацкие слова про «кис-кис, что же ты скис...» вертелись в голове и никак не хотели вылетать. Витька схрустел тост, схрустел второй и, вгрызаясь в яблоко, раздумывал, не сделать ли еще парочку.

– Что это ты напеваешь? – спросил заглянувший в кухню отец. – Настроение с утраца хорошее?

– Напеваю?

– Ну да, напеваешь. Про кошек что-то. Дрянь какую-то танцевальную. Здоровый парень, а поешь все, что по радио услышишь! Пора бы повзрослеть!

– Дрянь? – насторожился Витька.

– Дрянь, дрянь, сплошная дрянь. Кто только это сочиняет?

Витька почесал нос. Отец терпеть не мог абсолютно всю современную музыку, Витьке иногда даже казалось, что у его папаши на эту музыку аллергия, – стоило из телевизора выскочить какой-нибудь развеселой попсе, как папахен начинал скрипеть зубами или просто выбежал из комнаты. И чем популярнее была песенка, тем большее отторжение у отца она вызывала. Поэтому Витьку заинтересовала такая реакция на его «кис-кис».

– Тебе на самом деле не нравится? – спросил Витька.

– Это худшее, что я слышал за последние три недели, – отец занялся приготовлением яичницы. – «Кис-кис, что же ты скис...» Все великие поэты переворачиваются в гробу.

– Спасибо, па! – Витька вытряхивал из тостера хлебные крошки.

– За что?

– За то, что ты открыл мне глаза. – Витька поставил тостер на стол и побежал к себе.

У Витьки в комнате засова не было, да Витька никогда от родителей и не закрывался, но сейчас ему вдруг захотелось, чтобы его никто не беспокоил. Он закрыл дверь и для верности подпер ее креслом. Забаррикадировавшись, Витька сразу же прыгнул за стол и принялся писать фломастером прямо на столешнице.

Припев:

Кис-кис, что же ты скис?

Влево или вправо, вверх или вниз?

Кис-кис, зажигай на бис!

Зажигай на бис, моя маленькая мисс!

Насчет «моя маленькая мисс» Витька немного засомневался, но, хорошенько подумав, решил, что «моя маленькая мисс» вполне невинное словосочетание. В конце концов они собираются участвовать не в конкурсе видеоклипов для детского сада. И «мисс» Витька оставил. Затем Витька вспомнил, что обычно во всех попсовых песенках припевов две штуки, и стал сочинять вторую часть:

Кис-кис, вот так сюрприз!

Парашют за плечи, прыг на карниз!

Кис-кис, странный каприз.

Влево или вправо, вверх или вниз!

Пропев припев два раза, сначала про себя, затем вслух, Витька вдруг почувствовал, что в припеве есть не только тупые слова, но еще и какой-то ритм. Витька пропел еще раз, при этом постукивая по столу карандашом. Припев нравился ему все больше и больше. Надо было лишь пристроить к нему пару куплетов.

Витька разбаррикадировался, сбегал на кухню, заварил кофе и вернулся к себе. Выдул две чашки и вышел на балкон. Солнце поднялось уже высоко и больше не отражалось в окнах соседнего дома, от этого стало темнее и прохладнее. Витька пожегся и принялся придумывать текст песенки.

Текст песенки не шел. Витька раздраженно хлопнул ладонью по перилам и налил третью чашку кофе.

– Кофе пьешь? – на балкон выглянул отец.

– Пью.

– Рано тебе еще кофе хлебать – сердце посадишь. Лучше бы зарядку каждый день делал.

– Со следующего понедельника начну.

– Со следующего понедельника... – передразнил отец. – Виктор, я в твои годы уже гири по шестнадцать килограммов поднимал, а ты вилкой в тарелке еле ворочаешь! Вон твой Геннадий какой здоровый! Ну не хочешь гири поднимать, так бегом займись! Я тебе ролики на Новый год купил, а ты их даже не примерил...

Витька поморщился. Коньки отец на Новый год действительно купил, но оказалось, что они на два размера меньше, чем нужно, – даже ноги не влезали. Об этом он отцу не сказал, не хотел расстраивать.

Вообще-то песню про необходимость физического воспитания Витька слышал уже тысячу раз, и песня эта ему изрядно наскучила. Но перечить отцу не стоило – если начать перечить, то папахиен пустится в объяснения и нравоучения, а это может растянуться на тысячу лет.

– Вчера говорили, что в некоторых вузах введут в качестве вступительного экзамена физкультуру, – сказал отец. – Как ты будешь сдавать?

– Жмуркин еще дохлее, – сказал Витька.

Отец набрал в легкие воздуха, и Витька понял, что сейчас он скажет: «А если Жмуркин с девятого этажа прыгнет, ты тоже прыгнешь?»

Так и получилось.

– А если Жмуркин с девятого этажа прыгнет, ты тоже прыгнешь? – спросил отец.

Витька предпочел промолчать. Отец, чтобы подать правильный пример, взял гантелю и стал ее поднимать. Надолго, правда, его не хватило – отец выдохся и вернул снаряд на пол. Он тоже зарядку делал нерегулярно.

– Слышь, па, – спросил Витька, – а почему тебе не нравится современная музыка?

– Она глупая, – ответил отец, пытаясь отдышаться.

– А именно?

– Слова глупые, – отец зевнул и тоже налил себе кофе. – Слова глупые, и это раздражает. Один театральный режиссер, из новых, сказал, что он, при его таланте, может, если захочет, поставить, в смысле разыграть как спектакль, даже телефонный справочник!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.